

**К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ОХОТСКОЙ
КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО И ВОСТОЧНОГО ХОККАЙДО**

Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

Хотя со времени выделения охотской культуры японским исследователем К. Кионо прошло почти 80 лет, многие вопросы ее генезиса и дальнейшей эволюции по-прежнему остаются дискуссионными. Несмотря на довольно позднюю датировку культуры, которая согласно современным представлениям существовала на Южном Сахалине, Курильских островах и прибрежной зоне Хоккайдо в период от V до X вв. н.э., удаленность территории ее распространения от центров цивилизации того времени ограничивает использование письменных источников для решения этногенетических вопросов. Вследствие чего ключевую роль приобретают археологические и палеоантропологические данные.

В физической антропологии в отношении происхождения и этнических связей населения охотской культуры было высказано несколько различных точек зрения. Так, среди возможных «родственников» охотцев называются такие этнические группы, как эскимосы [Suzuki 1958] и алеуты [Kodama 1948; Ito 1951]. Пожалуй, наиболее распространено в настоящее время мнение об их родстве с современными амурскими народами, а также нивхами [Yamaguchi 1981; Isida 1994; Ishida et al 1994; Kozintsev 1990, 1992]. Отмечалась также возможность метисации охотцев с протояпонским населением Хоккайдо [Ito, 1965; Kozintsev 1990, 1992].

Одним из главных препятствий на пути изучения антропологических особенностей населения охотской культуры являлся недостаток краниологического материала. Лишь в последние годы после серьезной работы по обработке и регистрации антропологических коллекций университета Хоккайдо (г. Саппоро) вновь появилась возможность исследования, пожалуй, наиболее представительной краниологической серии из Мойоро (восточное Хоккайдо), а также менее многочисленных из Хаманаки и Омисаки (северное Хоккайдо). Предыдущие исследования этих материалов были проведены по достаточно короткой краниометрической программе, что ограничивало возможности в использовании данного материала. Кроме того, появившиеся в последние годы новые эффективные системы признаков, а также новые методы статистической обработки материала делают обращение к данным коллекциям актуальным.

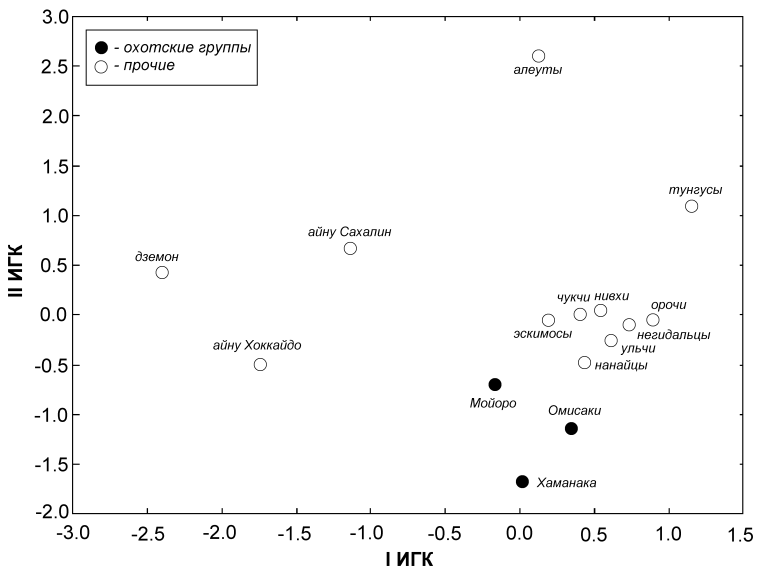

Рис. 1. Расположение групп в пространстве I и II ИГК.

Данное исследование, как и большинство предыдущих работ автора, основано на интеграции данных различных систем антропологических признаков. В данном случае интегрировались данные крианиометрии и крианоскопии.

Для интеграционного межгруппового анализа были использованы 14 метрических показателей, включая № 1, 8, 17, 9, 45, 48, 51, 52, 54, 55, SS:SC, 77, Zm, 75/1 (по Мартину и др.) и 5 неметрических, включая КВШ, ЗСШ, ПГУ II, ИПНШ и НО [Kozintsev 1992a]. Интеграция данных двух систем признаков производилась в соответствии с ранее неоднократно использованной методикой (см., напр.: [Моисеев, 2001]).

Кроме трех вышеперечисленных серий охотской культуры для сравнительного статистического анализа использовались также 12 близких к современности серий с территории Дальнего Востока, а также сборная серия дземон эпохи неолита с территории японского архипелага.

Вполне ожидаемо первая интегральная главная компонента (далее — ИГК), которая описывает 37 % общей вариации, дифференцирует серии дземона и айнов от других групп (рис. 1). Среди охотских групп наиболее выраженной дземонской тенденцией характеризуется Мойоро. Она же является наиболее близкой к айнам из всех включенных в анализ серий. Данный результат соответствует популярной в японской археологии идее о том, что восточные группы

охотцев имели более тесные контакты с протоайнским населением культуры сацумон [Аmano 1979]. Следует отметить, что айнская тенденция у Мойоро все же достаточно умеренная по величине и в целом Мойоро ближе к остальным охотским группам, чем к айнам. Это говорит о том, что доля айнского компонента в данной группе значительно уступает собственно охотскому.

Следует отметить, что I ИГК является примером однонаправленного вектора, отделяющего серии дземон и айнов от других групп. Серии, занимающие противоположный конец вектора, не обязательно должны быть родственны между собой, они лишь равноудалены от дземонцев. Для того чтобы понять их родственные взаимоотношения, требуется рассмотреть направления дифференциации, выраженные другими ИГК.

Вторая ИГК (27 % общей изменчивости) отделяет алеутов от остальных групп. Именно на эту группу приходится одна четверть всего размаха вектора. Поскольку проблема происхождения алеутов не входит в число задач данного исследования, я не буду подробно обсуждать здесь возможные причины их биологической специфичности. Замечу лишь, что полученный результат вряд ли случаен, поскольку подтверждается и генетическими данными [Rubicz R. et al, 2003]. Для темы данной работы более важно то, что все охотские группы находятся на противоположном от

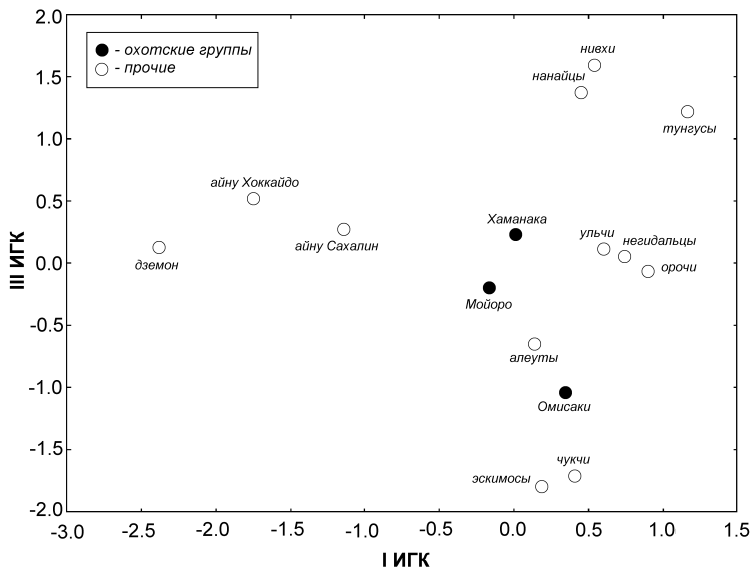

Рис. 2. Расположение групп в пространстве I и III ИГК.

алеутов конце данного вектора. Этот результат не согласуется с идеей об их близкой родственности. Конечно, полностью исключать такую возможность нельзя. Однако в этом случае мы вынуждены будем предположить, что биологическая специфичность алеутов является результатом популяционных процессов, происходивших уже после миграции охотцев на Хоккайдо.

Большое значение для понимания проблемы происхождения населения охотской культуры имеет III ИГК (20 % общей дисперсии). Она дифференцирует арктические группы от амурских (рис. 2). Первые характеризуются ее отрицательными значениями, вторые — положительными. На «амурском» конце данного вектора находятся также нивхи. Дземон и обе серии айну занимают нейтральное положение. Однако, поскольку три последние группы демонстрируют ярко выраженную краниологическую специфику, их промежуточное положение не свидетельствует об их метисном амурско-арктическом происхождении. Совершенно иначе дело обстоит с охотцами. Они также характеризуются промежуточными значениями III ИГК, однако не обладают спецификой, характерной для серии дземона и айнов (см. выше), что говорит в пользу их метисного происхождения. Отмечу также, что охотские группы в этом отношении неоднородны. Так, серия из Хаманака характеризуется довольно сильно выраженной «амурской» тенденцией, а Омисаки — «арктической». Мойоро занимает промежуточное положение. Таким образом, можно предположить, что локальные группы охотцев Хоккайдо отличаются по соотношению амурского и арктического компонентов. Данное обстоятельство особенно важно для решения вопроса об уровне гетерогенности локальных охотских популяций.

Основные итоги проделанного интеграционного анализа краниоскопических и краниометрических признаков сводятся к следующему:

1. Население охотских культур сформировалось в результате метисационных процессов с участием арктических популяций, сходных с эскимосами и чукчами, и древних групп тунгусо-маньжур, интенсивно проникавших на территорию Южного Сахалина с территории Нижнего Амура в первых веках н.э.

2. Алеуты демонстрируют выраженную краниометрическую и краниоскопическую специфику, черты которой не наблюдаются у охотских групп. Это позволяет исключить алеутов из числа близких родственников охотцев.

3. Различия в комбинациях краниологических характеристик локальных охотских групп Хоккайдо могут являться результатом различного удельного веса амурского и арктического компонента.

4. Восточные группы охотцев Хоккайдо имеют более выраженный протоайский компонент, чем северные.

***

Моисеев В.Г. Северная Евразия: языковая дифференциация и данные физической антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4 (8). С. 154–159.

Amano T. On the expansion and regional variations of the Okhotsk Culture // Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures Hokkaido University. 1979. Vol. 12. P. 75–92.

Ishida H. Skeletal Morphology of the Okhotsk People on Sakhalin Island // Anthropological Science. 1994. № 102 (3). P. 257–269.

Ishida H., Hanihara T., Kondo O., Ohshima N. A Human Skeleton of the Early Phase of the Okhotsk Culture Unearthed at the Hamanaka-2 Site, Rebun Island, Hokkaido // Anthropology Science. 1994. № 102 (4). P. 363–378.

Ito S. Human Crania from the Moyoro Shell Heap // Koukogaku zasshi. Vol. 37. 1951. P. 214–217 (на японском).

Ito S. The Stratigraphical Changes of the Skulls from Moyoro Shell Heap // Okajimas Folia Anatomica Japonica. 1965. Vol. 40. P. 679–690.

Kodama S. Moyoro Shell Heap. Hokkaido Genshi Bunka Kenkyuukai, Sapporo, 1948. P. 1–111 (на японском).

Kozintsev A.G. Ainu, Their Ancestors and Neighbors: Cranioscopic Data // Journal of the Anthropological Society of Nippon. 1990. № 98 (3). P. 247–267.

Kozintsev A.G. Ethnic Epigenetics: A New Approach // Homo. 1992a. № 43 (3). P. 213–244.

Kozintsev A.G. Prehistoric and Recent Populations of Japan: Multivariate Analysis of Cranioscopic Data // Arctic Anthropology. 1992b. № 29 (1). P. 104–111.

Suzuki H. Physische Anthropologie in Japan // Homo. 1958. № 9. P. 37–47.

Yamaguchi B. Human Skeletal Remains in Hokkaido // T. Ogata (ed.) Nihonjin. I. Jinruigaku koza. 1981. Vol. 5. Yuuzankaku, Tokyo. P. 137–156 (на японском).

Д. А. Самсонов

**ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ
ПО НЕКОТОРЫМ АКТУАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ ЭТНОГРАФИИ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ЭТНОГРАФИИ
РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ**

С того момента, когда я начал изучение корейской культуры и корейского языка (а именно с поступления в 1995 г. на отделение корейской филологии Восточного факультета СПбГУ), мне неоднократно посчастливилось побывать в Республике Корея (РК). Один из наиболее продолжительных визитов состоялся в 2004 г., когда я прожил в стране около девяти месяцев. Этот визит можно назвать наиболее плодотворным, потому что именно в этот приезд мне уда-